

Л. Г. Андреев

К звёздам

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Л11

Л. Г. Андреев

Л11 К звёздам / Л. Г. Андреев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-3434-0

Андреев Леонид Николаевич (1871-1919) - русский писатель. В 1897 году закончил юридический факультет Московского университета, недолго работал присяжным поверенным. Карьеру в литературе начал как судебный репортер и фельетонист в газете "Курьер", а в 1898 году издал первые рассказы. В начале века Андреев сдружился с Горьким и вместе с ним присоединился к кружку писателей, объединившихся вокруг издательства "Знание". Первые рассказы Андреева отличаются пристальным вниманием к жизни "маленького человека": "Большой шлем", "Город", "Баргамот и Гараська", "Из жизни штабс-капитана Каблукова". Андреева особенно интересует проблема морали, соотношения сознательного и бессознательного в человеке. Зачастую в его рассказах чувствуется неверие в способность человека противостоять инстинктам и слепой судьбе: "Мысль", "Стена", "Бездна", "Красный смех". После революции Андреев эмигрировал за границу. Скончался в Финляндии.

ISBN 978-5-4241-3434-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Леонид Андреев
К звёздам

Действующие лица:

Терновский Сергей Николаевич, русский ученый, уехавший за границу. Директор обсерватории. Знаменит; член многих академий и ученых обществ. Пятьдесят шесть лет, но на вид кажется моложе. Движения плавные, спокойные и очень точные; так же сдержан и точен в жестикуляции – ничего лишнего. Вежлив, внимателен, но от всего этого отдает холодом.

Терновская Инна Александровна, жена его, тех же почти лет.

Дети Терновских:

Николай, 27 лет.

Анна, 25 лет. Красива и суха, одета не к лицу.

Петя, 18 лет. Бледный, изящный, хрупкий; черные вьющиеся волосы; белый отложной воротник.

Верховцев Валентин Алексеевич, муж Анны. Лет 30. Рыжий. Самоуверен, внимателен, насмешлив. Иногда груб. Инженер.

Маруся., невеста Николая, 20 лет. Красивая.

Ассистенты Терновского:

Поллак. Сухой, высокий, с большим лысым черепом, корректный. 32 года. Механичен. Курит сигары.

Лунц Иосиф Абрамович. Еврей, 28 лет. Привычка обращаться с точными инструментами придает движениям сдержанность и точность; но при волнении Лунц не выдерживает и жестикулирует со страстностью южанина-сеμίта.

Житов Василий Васильевич. Неопределенного возраста.

Велик, волосат, медведеобразен. Всегда сидит. Своеобразно красив.

Трейч, рабочий, 30 лет. Черный, худощавый, очень красивый, сильно изогнутые брови; дальнзорок. Прост, серьезен, несловоохотлив.

Шмидт. Молод. Маленького роста; мелкие, но правильные черты лица; одет тщательно; говорит тонким голосом. Имеет вид незначительный.

Минна, служанка.

Франц, слуга.

Старуха.

Действие первое

Обсерватория в горах. Поздний вечер. Сцена представляет две комнаты; первая – нечто вроде столовой, большая, с белыми толстыми стенами; у окон, за которыми мечется во тьме что-то белое, очень широкие подоконники; огромный камин, в котором горят поленья. Убранство простое, строгое, отсутствие мягкой мебели и занавесок. Несколько гравюр: портреты астрономов, волхвы, приведенные звездой ко Христу. Лестница вверх, в библиотеку и кабинет Терновского. Задняя комната – обширный рабочий кабинет, в общем похожий на первую комнату, но без камина. Несколько столов. Фотографии звезд и лунной поверхности, некоторые простейшие инструменты. Сидит за работой ассистент Терновского – Поллак. В передней комнате Инна Александровна и Житов разговаривают; Петя читает; Лунц ходит взад и вперед. У очага кухарка – немка готовит кофе.

За окнами свист и вой горной вьюги. Потрескивают дрова в камине. Равномерно звонит колокол, сзывая заблудившихся.

Инна Александровна Звонит, звонит, а все без толку. За четыре дня хоть бы кто пришел. Сидишь, сидишь, да и подумаешь: уж живы ли там люди-то?

Петя. *(отрываясь).* А кому прийти? Кто пойдет сюда?

Инна Александровна Ну, мало ли кто! Снизу может кто прийти...

Петя. Не до того им, чтобы по горам лазить.

Житов. Да, положение затруднительное. Дороги нет – как в осажденном городе, ни оттуда, ни отсюда.

Инна Александровна Денька через два и есть нечего будет.

Житов. Так посидим.

Инна Александровна Вам-то хорошо говорить, Василий Васильевич, – вы, как медведь, своим жиром неделю сыты будете, – а что мне с Сергеем Николаевичем делать?

Житов. А вы ему запас сделайте, мы и так обойдемся. Лунц, а Лунц, вы бы сели!

Лунц не отвечает, ходит.

Инна Александровна Ну и сторонка! Постоите, словно постучал кто. Постоите-ка! *(Прислушивается.)* Нет, показалось. Какая метель, у нас такой не бывает.

Житов. Бывает... в степи.

Инна Александровна В степи не жила... не знаю. Как бьет в окна!

Петя. Ты напрасно ждешь, мама, – никто не придет.

Инна Александровна А может?. *(Пауза.)* Газеты старые почитать, что ли... да уж читаны-перечитаны. Иосиф Абрамыч, вы ничего новенького не слышали?

Лунц *(останавливаясь).* Откуда же я могу услышать? Как вы странно спрашиваете. Ведь это же невозможно, ей-богу. Откуда я могу услышать, сами послушайте. Странно!

Инна Александровна Ну-ну, я-так, не сердитесь. Душа кровью обливается, как подумаешь, что там делается! Господи!

Житов. Дерутся.

Инна Александровна Дерутся! Вам-то легко говорить, Василий Васильевич,

у вас там никого своих нету, а у меня ведь дети! И ничего-то не знаешь, как в лесу... да какое – в лесу! В лесу хоть птица пролетит, заяц пробежит, а тут...

Лунц (*на ходу*). Может быть, там уже полная победа. Может быть, там уже новый мир – на развалинах старого.

Житов. Не думаю. Непохоже было.

Петя. Почему это не думаете? Вы читали, что министерство подало в отставку, что весь город в баррикадах, что пролетариат уже овладел ратушей? А за пять дней что могло произойти!

Житов. Ну, может быть, не знаю. Лунц, вы бы сели. По моему расчету, вы за эти дни верст двести сделали.

Лунц Отстаньте! Я вам не мешаю, и вы мне не мешайте. Как это некультурно: врываться в чужую жизнь. Я же не говорю вам: Житов, не дремлите по целым часам, вы уже проспали вечность. Я не говорю!

Петя. подходит к **Лунц** у и тихо разговаривает с ним о чем-то.

Ходят рядом, изредка обмениваясь словами.

Инна Александровна (*тихо Житову*). Экий недотрога! Ну что же, Василий Васильевич, выпьем кофейку, что ли, с горя...

Житов. Я бы чаю выпил.

Инна Александровна Сказал! Я бы и сама, батюшка, чайку бы выпила, да где его возьмешь. С малиновым вареньем бы – хорошо.

Житов. А я так – вприкуску.

Инна Александровна Да что уж! Вы вот что скажите, Василий Васильевич, – ко всему я тут привыкла, ну ко всему – и к горам этим, и к безлюдью, а вот березку позабыть не могу. Как подумаю, как вспомню – так часа два плачу, как угорелая. У нас в имении усадьба на горке стояла, а вокруг березовая роща – какая роща! После дождя такой, бывало, подымется запах, что... что... (*Утирает глаза.*)

Житов. А вы бы взяли да и съездили в Россию месяца на два.

Инна Александровна А с кем же я его оставлю? Он тоже меня сколько раз уговаривал, – да разве это можно! Ну вдруг заболает? – года у меня с ним не маленькие.

Житов. Я останусь.

Инна Александровна Нет, нет, и не говорите. Нету березки, и не надо, – ведь я к слову сказала. Нет, нет. Тут тоже хорошо.

Вот весна идет...

Житов. А если б его в Сибирь услали? Поехали б?

Инна Александровна А почему ж не поехать? И в Сибири люди живут. Эка!

Житов. Вы славная, **Инна Александровна**.

Инна Александровна (*нежно*). А ты глупый, – разве старухам такие вещи говорят? А и вправду, Василий Васильевич, отчего бы вам не жениться? Жили бы тут да поживали, как мы вот с Сергеем Николаевичем.

Житов. Нет, куда мне... Человек я непоседливый.

Инна Александровна (*смеясь*). То-то, похоже.

Житов. Нет, верно. Нынче здесь, а завтра там. Я и астрономию скоро брошу. Я ведь в Австралии еще не был.

Инна Александровна. А туда зачем?

Житов. Да так. Посмотреть, как люди живут.

Инна Александровна Да ведь у вас, Василий Васильевич, и денег-то нет. Это тому хорошо путешествовать, у кого есть деньги.

Житов. Да я не путешествовать, я так. Поступлю на железную дорогу или на завод.

Инна Александровна. Из астрономов-то?

Житов. Что же, этому легко научиться. Я механику знаю. Мне немного надо, я человек неизбалованный.

Пауза. Свист вьюги сильнее.

Петя. Мама, а папа где? работает?

Инна Александровна. Да... просил не мешать ему.

Петя (*пожимая плечами*). Как он может работать в такое время! Не понимаю.

Инна Александровна А так и может. Что же, лучше, если он вот так метаться будет? Вон Поллак тоже работает.

Петя. Ну, Поллак... Про него я уж не говорю.

Поллак. (*Тихо говорит с Лунцем.*)

Житов. Поллак человек талантливый, он через пять лет знаменитостью будет. Энергичный человек.

Инна Александровна смеется.

Чего вы смеетесь, разве не правда?

Инна Александровна Да нет, я не тому. Очень он чужак, – иной раз и нехорошо, а не удержишься... Он на какой-то инструмент похож, – какой у вас есть инструмент вроде него?

Житов. Не знаю.

Инна Александровна. Астролябия, кажется.

Житов. Не знаю. А как вот можете вы смеяться, удивляюсь я.

Инна Александровна (*вздыхает*). Без смеха нельзя, только смехом иногда и спасаешься. Вот тоже расскажу я вам. Ехали мы тогда из России с детьми, со скарбом... дела были плохие, на билеты денег хватило, да и все тут. И как это случилось, до сих пор понять не могу – потеряла я билеты. Никогда ничего не теряла, а тут...

Житов. Где же это, в России?

Инна Александровна Если бы в России, а то за границей уже. Сидим мы на какой-то австрийской станции... дети, чемоданы, подушки...

взглянула я на эти подушки да как захохочу! Ей-богу! Сейчас смешно вспомнить.

Житов. А скажите, Инна Александровна, я до сих пор толком не разберусь: за что Сергей Николаевич выслан из России?

Инна Александровна Да его не высылали, сам уехал.

Поссорился с начальством. Бумагу какую-то скверную заставляли его подписать, а он не стал, а потом министру дерзостей наговорил. Ну и уехали, а тут предложили ему эту обсерваторию, – вот двенадцать лет на камнях и живем.

Житов. Значит, он может вернуться, если захочет?

Инна Александровна Да зачем? В России, вы знаете, таких обсерваторий нет.

Житов. А березка-то!

Инна Александровна Ну вот, пустяки какие! Пойдите, кто-то стучит.

Вой метели.

Житов. Нет. Показалось.

Инна Александровна А все-таки... Минна, голубушка, сходите узнайте, будто приехал кто. Этот колокол всю душу вымотает. Все кажется, словно идет кто или едет. Слышите?

Вой метели, звук колокола.

Житов. Эти мартовские бури всегда самые свирепые. Внизу весна, а у нас зима настоящая. Миндаль уже отцвел, пожалуй.

Минна. Никого нет.

Инна Александровна Что там делается! Что там делается!

Главное, я за Коленьку боюсь. Ведь он такой, он ни на что не смотрит: ружья не ружья, пушки не пушки. Господи! Я и подумать об этом не могу! Хотя бы весточка какая, а то четыре дня – как в могиле.

Житов. Ну, обойдется, скоро все узнаете. Барометр поднимается.

Инна Александровна А главное, будь бы за свое дело дрался. А то и люди чужие, и страна чужая, – ну какое ему дело!

Петя.(горячо). Николай – рыцарь. Он за всех угнетенных, кто бы они ни были. Все люди одинаковы, и чья бы страна ни была, все равно.

Луц. Чужие! Страна, государство – не понимаю я этого. Что значит – чужие, государство? Вот это разделение и создает рабов, потому что когда в одном доме грабят, то в другом сидят спокойно, в одном доме убивают, то в другом говорят: это нас не касается. Свои! Чужие! Я вот еврей, а у меня своей страны нет – так, значит, я всем чужой? Нет, я всем свой, да...

(Ходит.) Да!

Петя. Конечно. Это уозость – разбивать землю на какие-то участки.

Луц(ходит). Да. Только и слышишь-свои, чужие! Негры, жиды!

Инна Александровна Ну, вы опять на свое повернули. Как не стыдно! Разве я что-нибудь говорю? Разве я говорю, что Коленька плохо делает? Сама ж я посылала: поезжай, голубчик, поскорее, а то здесь еще больше ты измучишься. Господи, Коля-то да нехорошо, – я о том, что сердце у меня изболелось. Ведь я неделю в такой муке живу, в такой муке... Вы ночь-то спите, а я глаз не смыкаю, все слушаю, слушаю: вьюга да колокол, колокол да вьюга. Плачет, хоронит кого-то... нет, не увижу я Колюшки!

Вьюга, колокол.

Петя.(ласково). Ну, успокойся, мамочка, все обойдется. Он не один там, – почему непременно с ним что-нибудь случится? Успокойся.

Житов. Не говоря уже о том, что с ним Маруся и Анна Сергеевна с мужем. Все-таки поберегут. Да и так, вы знаете, как его любят все, – у него теперь свита как у генерала, даром пропасть не дадут.

Инна Александровна Знаю, знаю, да что поделаешь! Но только про Марусю вы мне не говорите. Анна – женщина благоразумная, а Маруся – та сама вперед полезет. Знаю ее.

Петя. А ты чего, мама, хотела бы? Чтоб Маруся пряталась?

Инна Александровна Опять... Да деритесь себе сколько хотите, разве я что говорю? Только не успокаивайте меня: сама знаю, что знаю, не маленькая. Как помоложе была, сама с волками дралась. Вот что!

Житов. С волками? Вот вы какая, не ожидал. Как же это вы так?

Инна Александровна Да пустяки. Раз ночью зимой ехала одна на лошади, на меня и напали. Отстрелялась. А меня они и дразнят до сих пор.

Житов. А вы и стрелять умеете?

Инна Александровна Чему, Василий Васильевич, при такой жизни не научишься. Я с Сергеем Николаевичем в Туркестан ездила на экспедицию, так полторы тысячи верст верхом сделала, по-мужски. Мало ли бывало! Тонула раз, два раза горела... (*Тихо.*) Только скажу вам, Василий Васильевич, – нет ничего страшнее в мире, как болезнь детей. Раз, тоже в экспедиции, у Колюшки жаба открылась. Ни доктора, ни лекарств, до ближнего жилья верст пятьдесят, а то и больше. Выбежала я из палатки да как брякнулась о землю... вспомнить страшно. Ведь у меня двое детей умерло, вы знаете. Один на седьмом году, Сереженька, другой еще грудным. Анюта раз при смерти была, да что вспоминать... Тяжелая наша материнская доля, Василий Васильевич... Благодарение еще богу, что дети хорошие вышли.

Житов. Да, Николай Сергеевич у вас удивительный человек.

Инна Александровна Коля-то! Сколько я перевидала людей, а такой души еще не встречала. Вот говорила я – чужое дело, сразу видно, что эгоистка... а Коля: если увидит он, что лев разоряет муравьиную кучу, так он один с голыми руками на льва пойдет. Вот он какой! Что-то там делается! Что-то делается!

Житов. Если бы мне не так хотелось в Австралию...

Поллак. (*входит*). У вас не найдется, уважаемая Инна Александровна, чашки черного кофе?

Инна Александровна Как же не найдется? Найдется!

Минна! (*Идет.*)

Житов. Ну, как дела, коллега?

Поллак. Хорошо. А вы что же ничего не делаете?

Житов. Погода... Какая тут работа! Да и события такие...

Поллак. А не русская лень?

Житов. Может быть, и лень. Кто знает?

Поллак. Нехорошо, дорогой товарищ. Лунц, вы произвели вычисления, которые поручил вам Сергей Николаевич?

Лунц (*резко*). Нет.

Поллак. Напрасно.

Лунц Напрасно, не напрасно, это вас не касается. Вы такой же ассистент, как и я, и не имеете права делать мне замечания. Да.

Поллак. (*отворачивается, пожимая плечами*). Скажите, Житов, чтобы кофе мне подали туда.

Житов. Ладно. А над чем сейчас работает Сергей Николаевич? Я как-то отошел от дела за это время.

Поллак. О, у него такая работа! Я сам могу много работать, но я удивляюсь настойчивости Сергея Николаевича, силе его мозга. Трение, это возмутительное трение, отсутствует в нем, как в наших инструментах. И работает он с правильностью часового механизма: я убежден, что в его вычислениях за тридцать лет нельзя найти ни одной ошибки.

Лунц (*прислушиваясь*). Он не только работник, он-талант.

Поллак. Совершенно верно. У него числа и цифры-живые и движутся, как солдаты.

Лунц. Вы все сводите к дисциплине. Какая юнкерская поэзия!

Поллак. Без дисциплины нет победы, дорогой Лунц.

Житов. Верно!

Лунц. Я о нем думаю лучше, чем вы. Я думаю, что он видит вечность, видит, как мы вот эти стены. Да!

Поллак. Я не возражаю. У вас нет сведений, кончилась эта революция или нет?

Житов. Какие тут сведения! Слышите, что на дворе делается?

Поллак. Я упустил это обстоятельство из виду.

Петя. По последним газетам...

Поллак. Нет, нет. Вы мне скажите, когда все это кончится. Я не хочу входить в подробности.

Инна Александровна *(входит)*. Нет никого. Выходила сама посмотреть – пустыня.

Поллак. Так я попрошу вас, уважаемая Инна Александровна, дать мне кофе туда.

Инна Александровна Хорошо, хорошо, работайте. Сейчас работа – это прямо счастье.

Поллак уходит во вторую комнату.

Петя. А я думаю, что бывают минуты, когда работать над чем-нибудь нечестно.

Инна Александровна. Петя, Петя!

Петя. Я не могу! Отчего вы не пускаете меня туда? Я тут с ума схожу, в этой дыре!

Инна Александровна. Петечка, голубчик, ведь тебе восемнадцать лет еще нету.

Петя. Николай в девятнадцать лет в тюрьме уже сидел!

Инна Александровна. Ну что же тут хорошего?

Петя. Он работал!

Инна Александровна Ах, господи, ну поговори с отцом... как он скажет, так и будет.

Петя. Он говорит: ступай.

Житов. За чем же дело стало?

Петя. Я не знаю, я не могу. Там такая великая борьба, а я... Я не могу, я не могу! *(Уходит.)*

Лунц Петя опять нервничает. Вы, Инна Александровна, занялись бы им. *(Идет вслед за Петей.)*

Инна Александровна Ну что же я поделаю? Боже мой, боже мой!

Житов. Ничего, пройдет.

Инна Александровна Нежный он такой, совсем как девочка... ну куда ему! И что с ним в эти дни сделалось! А тут еще этот Лунц: нужно бы успокоить, а он...

Житов. Ну, у Лунца у самого, того и гляди, истерика делается.

Инна Александровна. Вижу уж. Спасибо вы, Василий Васильевич, еще спокойны, а то хоть ложись в гроб да помирай.

Житов. Ну, я-то что. Я всегда спокоен, у меня уж характер такой.

Иной раз и рад бы поволноваться, да не выходит.

Инна Александровна. Хороший характер.

Житов. Не знаю. Удобный, конечно, характер. Жаль вот только, что газет нету: люблю почитать, как люди там волнуются.

Инна Александровна А вы знаете, что у Лунца четыре года назад, когда он тут, за границей, еще студентом был, родителей убили?

Во время еврейского погрома...

Житов. Знаю, слышал.

Инна Александровна Он сам об этом никогда не говорит, не выносит. Несчастный молодой человек... я иногда на него без слез смотреть не могу. Опять стучит?

Житов. Нет.

Инна Александровна В третьем году в такую погоду разносчик к нам попал. Чуть живой. А оттаял – сейчас же торговать начал.

Житов. Вот и я разносчиком в Австралию пойду.

Инна Александровна. Да ведь вы английского не знаете.

Житов. Немного знаю. В Калифорнии научился.

Инна Александровна Ну, а я все-таки газеты почитаю. Ни о чем другом думать не могу. И вы бы почитали что-нибудь, Василий Васильевич.

Житов. Не хочется. Я у камина посижу.

Инна Александровна надевает очки и разбирает газеты; Ж и т о в садится у камина. **Поллак** работает. Вьюга, колокол.

Инна Александровна Что-то мой Сергей Николаевич? Я уж его два дня не видела: и пьет и ест там. И входить не велел.

Житов. М-да.

Пауза.

Инна Александровна(*читает*). Какие ужасы! Что это такое пулеметы, Василий Васильевич?

Житов. Это такая пушка особенная.

Пауза. Минна приносит **Поллак** у кофе.

Инна Александровна Взяла бы я сама пулемет, да их бы...

Житов. М-да. Штука серьезная.

Пауза.

Инна Александровна Как воеет! Читать нельзя. А мне вас жалко будет, Василий Васильевич, если вы в Австралию уедете. Не ездите, а?

Житов. Невозможно. Непоседливый я человек. Мне бы, Инна Александровна, хотелось всю землю кругом ощупать – какая она. Из Австралии я в Индию поеду, я еще тигров на свободе не видал.

Инна Александровна. А зачем они вам понадобились?

Житов. Не знаю. Я, Инна Александровна, смотреть люблю. Как все это вообще. У нас в деревне бугор был, так я, мальчишкой еще, по целым дням сидел, смотрел все. Я и астрономией-то занялся, чтобы смотреть, а вычислять не люблю: не все ли равно, двадцать миллионов миль или тридцать. И разговаривать я тоже не люблю.

Инна Александровна. Ну-ну, не буду. Смотрите себе.

Пауза. Вьюга. Колокол.

Житов.(*не оборачиваясь*). А вы и в Канаду с Сергеем Николаевичем поедете? На затмение?

Инна Александровна А? В Канаду? Поеду. Как же он без меня?

Житов. Тяжело будет. Далеко.

Инна Александровна. Пустяки. Только бы тут все обошлось. Господи, гос-